

Ещё раз о «субъектных местоимениях» в южных манде: местоимения или предикативные показатели?¹

В описаниях многих языков манде можно найти длинные списки местоименных серий, различающихся по своим синтаксическим, прагматическим и прочим функциям. Например, для дан-гуэта выделяются следующие серии [Vydrine, Mongnan 2008: 25-26]:

Таблица 1

Лицо	Единственное число				Дв.ч. инкл.	Множественное число				
	1	2	3	логоф. / рефл.		1 экс.	инкл.	2	3	логоф. / рефл.
I экзистенциальные	<i>ā</i>	<i>ī/ū</i>	<i>Ø/ȳ/ȳ</i>	<i>ȳ</i>	<i>kō</i>	<i>yī</i>	<i>kwā</i>	<i>kā</i>	<i>wò</i>	<i>wō</i>
II сопряжённые	<i>á</i>	<i>í/ú</i>	<i>Ø/ȳ/ȳ</i>	<i>ȳ</i>	<i>kó</i>	<i>yí</i>	<i>kwá</i>	<i>ká</i>	<i>wó</i>	<i>á</i>
III перфектные	<i>má</i>	<i>bá</i>	<i>yà/yà</i>	<i>yá</i>	<i>kó</i>	<i>yá</i>	<i>kwá</i>	<i>ká</i>	<i>wà/wà</i>	<i>wá</i>
IV проспективные	<i>māā</i>	<i>bīī</i>	<i>yȳȳ</i>	–	<i>kōō</i>	<i>yīī</i>	<i>kwāā</i>	<i>kāā</i>	<i>wōō</i>	–
V императивные	–	<i>Ø/bȳ</i>	–	–	<i>kò</i>	–	<i>kwà</i>	<i>kà</i>	–	–
VI оптативные	<i>á</i>	<i>í/ú</i>	<i>yȳ</i>	<i>ȳ</i>	<i>kó</i>	<i>yí</i>	<i>kwá</i>	<i>ká</i>	<i>wò</i>	<i>wó</i>
VII эвиденциальные	<i>māā</i>	<i>bāā</i>	<i>yāā</i>	–	<i>kōō</i>	<i>yāā</i>	<i>kwāā</i>	<i>kāā</i>	<i>wāā</i>	–
VIII отрицат. имперфективные	<i>máá</i>	<i>báá</i>	<i>yáá</i>	–	<i>kóó</i>	<i>yáá</i>	<i>kwáá</i>	<i>káá</i>	<i>wáá</i>	–
IX отрицат. перфективные	<i>míí</i>	<i>bíí</i>	<i>yíí</i>	–	<i>kóó</i>	<i>yíí</i>	<i>kwíí</i>	<i>kíí</i>	<i>wíí</i>	–
X прохибитивные	<i>má</i>	<i>bá</i>	<i>yá</i>	–	<i>kó</i>	<i>yá</i>	<i>kwá</i>	<i>ká</i>	<i>wá</i>	–
XI несубъектные	<i>Ñ</i>	<i>ī/ū</i>	<i>à</i>	<i>ȳ</i>	<i>kō</i>	<i>yī</i>	<i>kwā</i>	<i>kā</i>	<i>ànù</i>	<i>wō</i>
XII посессивные	<i>mā</i>	<i>ū bā</i>	<i>à bā</i>	<i>ȳ bā</i>	<i>kōō</i>	<i>yīī</i>	<i>kwāā</i>	<i>kāā</i>	<i>ànāā</i>	<i>wōō</i>
XIII автономные	<i>mā</i>	<i>bī</i>	<i>yȳ</i>	–	<i>kō</i>	<i>yī</i>	<i>kwā</i>	<i>kā</i>	<i>wō</i>	–
XIV конт-растивные	<i>māñ</i>	<i>bīī</i>	<i>yȳȳ</i>	–	<i>kōō</i>	<i>yīī</i>	<i>kwāā</i>	<i>kāā</i>	<i>wōō</i>	–
XV сочинительные	–	–	–	–	<i>kōō</i>	<i>yāā</i>	<i>kwāā</i>	<i>kāā</i>	<i>wāā</i>	–
XVI сочинительные простые	<i>yāā/yāā</i>	<i>kāā/kā</i>	<i>wāā/wā</i>	–	–	<i>yāā/yā</i>	<i>kwāā/kwā</i>	<i>kāā/kā</i>	<i>wāā/wā</i>	–
		<i>à</i>	<i>à</i>			<i>à ... nù</i>	<i>à (... nù)</i>	<i>à ... nù</i>	<i>à ... nù</i>	
XVII сочинительные связанные	<i>yāā</i>	<i>kāā</i>	<i>wāā</i>	–	–	<i>yāā ... nù</i>	<i>kwāā (... nù)</i>	<i>kāā ... nù</i>	<i>wāā ... nù</i>	–
XVIII сочинительные инкорпоративные	<i>yēñ/yē</i>	<i>kēñ/kē</i>	<i>wēñ/wē</i>	–	<i>kwēñ/kwē</i>	<i>yēñ nù</i>	<i>kwēñ/kwē</i>	<i>kēñ/kē</i>	<i>wēñ/wē</i>	–
	<i>ñ</i>	<i>ñ</i>	<i>ð</i>		<i>ñ</i>		<i>ñ ... nù</i>	<i>ñ nù</i>	<i>ñ nù</i>	

Эти серии рассматриваются обычно как единая словоизменительная парадигма, которая оказывается весьма гетерогенной с точки зрения грамматической семантики: они выражают

¹ Данное исследование выполнено в рамках проекта «Интегральное описание южных языков манде: словари, грамматики, корпуса глоссированных текстов», поддержанного грантом РГНФ 08-04-00144а. Я благодарю участников семинара по языкам манде и других коллег, принявших заинтересованное участие в обсуждении этой статьи на разных стадиях её написания, особенно Е.В. Перехвальскую, Н.Р. Сумбатову, М.Б. Коношенко, К.Н. Прохорова, Н.В. Макееву, М.Л. Хачатурьян, чьи советы, замечания и критика помогли мне лучше понять суть рассматриваемых исследований, избежать тупиковых ходов и чётче сформулировать мысли. Ответственность за все ошибки и недостатки этой работы несёт автор.

падежные, прагматические, аспекто-темпоральные значения, модальность². С первого взгляда, больше всего сомнений вызывает объединение типично глагольных значений (для дан-гуэта – вид, модальность, эвиденциальность, полярность) с типичными неглагольными (такими как падеж; здесь же оказываются сочинительность и прагматические значения) – как представляется, это плохо согласуется с базовыми принципами парадигматики. По этому признаку, главная разделительная линия проходит между «субъектными сериями» (первые десять в Таблице 1) и всеми остальными. Сведение столь разнородных по значению серий в единую парадигму в языках манде уже подвергалось критике (см., в частности, [Кузнецова 2008: 368-369]), однако, на мой взгляд, удовлетворительного решения этой проблемы предложено не было.

Впрочем, по этому пункту можно возразить, что само по себе сосуществование в одной парадигме типичных именных и глагольных грамматических категорий встречается в языках не так уж и редко – в любом учебнике общей морфологии можно найти тому немало примеров. Поэтому более важным оказывается то, что «субъектные местоимения» в дан вызывают и другие вопросы, прежде всего, касающиеся их роли в предложении. Главный вопрос сводится к следующему.

В любом предложении дан-гуэта (как глагольном, так и неглагольном) употребление «субъектного местоимения» обязательно³. Рассмотрим следующие примеры:

(1) *Yɔ̃ ɔ̃ dɔ̃ŋ-sɪ̃ kwɛ̀ɛ̀ ká.*
 3SG.EXI REFL.SG нести.на.голове-DUR ноша с
 ‘Она несёт груз на голове’.

(2a) *Mé bā yɔ̃ mɛ̀-nù dũ̀ɔ̃ɔ̃ bɔ̃-pɔ̃ gú.*
 человек/EMPH ART 3SG.EXI человек-PL лишать-NTR есть-вещь\IZF в
 ‘Этот человек не делится с другими едой’.

В обоих примерах присутствует «субъектное местоимение» 3 лица единственного числа экзистенциальной серии *yɔ̃*. Не вполне ясно, какую синтаксическую позицию занимает этот элемент в данных предложениях. Для того, чтобы прояснить этот вопрос, рассмотрим следующие клаузы, различающиеся видовыми значениями:

(3a) *Yɛ̃ŋ yá drɔ̃ɔ̃ mũ̀ yí kwáɔ̃.*
 1SG+3SG 1PL.EXCL.PRF вино пить 1PL.EXCL.NSBJ RECP.SUB
 ‘Мы с ним выпили вина вместе’.

(3б) *Yɛ̃ŋ yí drɔ̃ɔ̃ mũ̀ yí kwáɔ̃.*
 1SG.3SG 1PL.EXCL.EXI вино пить\NTR 1PL.EXCL.NSBJ RECP.SUB
 ‘Мы с ним пьём вино вместе (обычно)’.

Чтобы выявить морфосинтаксический локус клаузы, сделаем её зависимой:

(3в) *Kúmáná sɛ̃ɛ̃nɔ̃ yɔ̃ ñ dɛ̀ kɔ̃ yɛ̃ŋ*
 префект маленький 3SG.EXI 1SG.NSBJ звать\NTR чтобы 1SG+3SG
yí drɔ̃ɔ̃ mũ̀ yí kwáɔ̃.
 1PL.EXCL.OPT вино пить 1PL.EXCL.NSBJ RECP.SUB
 ‘Супрефект пригласил меня, чтобы мы с ним выпили вина’.

² Более подробно эти значения рассматриваются в работе [Выдрин 2006]. С учётом новых данных, полученных после написания этой работы, названия и характеристики некоторых серий сейчас стоило бы пересмотреть – что и было сделано, в значительной мере, в словаре [Vydrine, Mongnan 2008] – однако в настоящей статье этот вопрос обсуждаться не будет.

³ Его опущение возможно только в императиве единственного числа, а также в конструкции нейтрального вида при подлежащем, выраженном именной группой, и в сопряжённой конструкции после союза – однако такая фраза воспринимается как эллиптическая, свойственная небрежному стилю, и «субъектное местоимение» может быть легко восстановлено.

В целевой клаузе «субъектное местоимение» обязательно выступает в своей оппозитивной форме (*yí*), а глагол – в «базовой» форме (без суффиксов и с лексическим тоном, *mī*). По критерию морфосинтаксического локуса [Тестелец 2001: 84-85, 261-262], получается, что вершиной клаузы является или «субъектное местоимение», или глагол.

Сделать выбор между этими двумя составляющими позволяет неглагольное предложение:

(4) *Dū wə́ ɣ̣ bā ỵ ṭə̣ ká.*
 колдовство дело\IZF REL ART 3SG.EXI правда с
 ‘Колдовство – это правда’.

(5) *Kwí nǎǎ bédě́ bá ỵ mī, ...*
 белый.человек PL.POSS лекарство некий 3SG.EXI там
 ‘У белых людей есть (такое) лекарство...’

Как показывают примеры (4) и (5), «субъектное местоимение» оказывается в клаузе обязательным,⁴ а глагол может отсутствовать. Это позволяет сделать заключение о том, что именно «субъектное местоимение» является вершиной клаузы, соответственно, в глагольной клаузе предикативная группа (глагол и его зависимые) оказывается зависимым от него.⁵

Поскольку подлежащее не может быть вершиной клаузы, остаётся сделать вывод, что «субъектное местоимение» не является подлежащим. По той же причине не является оно и именной группой. Подлежащим же является именная группа, предшествующая «субъектному местоимению».

Впрочем, положение о том, что клаузальные значения кодируются только на вершине клаузы, долгое время доминировавшее в синтаксической теории, всё больше подвергается критике. В частности, целый ряд примеров кодирования таких значений на зависимых членах, в том числе на подлежащем, приводится в статье [Nordlinger, Sadler 2004]; см. также рассматриваемую ниже ситуацию в языке тура. Таким образом, приводимый здесь аргумент, сам по себе, оказывается недостаточным. Однако имеются и другие свидетельства в пользу предлагаемой здесь трактовки.

То, что «субъектное местоимение» не входит в ИГ подлежащего, подтверждается и критерием «способность фразовых категорий замещаться проформами»: «на проформу (в случае ИГ – на личное местоимение) могут быть заменены только фразовые категории» [Тестелец 2001: 142-143], а не терминальные составляющие. Оказывается, что при замене ИГ подлежащего на местоимение, в замещаемую ИГ не входит «субъектное местоимение» – его присутствие в клаузе остаётся обязательным:

(2б) *Ỵ ỵ mē-nù dūỵ ḅ-p̣ gú.*
 3SG.CNTR 3SG.EXI человек-PL лишать\NTR есть-вещь\IZF в
 ‘Это он не делится с другими едой’.

Конечно, и этот аргумент можно считать недостаточным. Так, появление обязательного прономинального элемента после ИГ подлежащего допустимо интерпретировать как обязательную местоименную репризу (которая, надо сказать, является в дан-гуэта обязательной во многих контекстах – в частности, после релятивной клаузы, после ИГ с артиклем или с указательным местоимением), – в таком случае следовало бы считать этот

⁴ Единственные исключения – предложения идентификации, типа *gbê mī* ‘это собака’, и презентативные, типа *gbê nè* ‘вот собака’. Впрочем, копулы *mī* и *nè* в подобных предложениях являются функциональными аналогами не глагола, а «субъектного местоимения», от которого они отличаются только невыраженностью категорий лица и числа.

⁵ К такому же выводу приведёт и анализ структуры клаузы дан в терминах грамматики составляющих: «субъектное местоимение» дан являет собой терминальную категорию Auh, при этом оно выбирается из конечного списка – отметим, что, в отличие от английского, Auh в дан присутствует практически во всех предложениях, что избавляет нас от необходимости приравнивать его к аффиксальным показателям финитных категорий глагола.

элемент именно субъектным местоимением, на котором маркируются клаузные грамматические значения.

По-видимому, наиболее вескими являются аргументы, использовать которые, применительно к языку манго, предложила в своей дипломной работе М.Л. Хачатурьян [2010]: контроль сочинительного сокращения (6) и контроль подчинительного сокращения (7). Как и в манго, в дан-гуэта при обозначении последовательных действий, субъекты которых кореферентны, глагол, обозначающий второе из этих действий, обязательно имеет в препозиции прономинальный элемент «сопряжённой серии»:

(6a) *yɔ̃ kɛ dɔ̃ vɛ̃ɔ̃ ɡú, ʔ/*Ø nū*
3SG.EXI RETR уходить\NTR самолёт в 3SG.JNT приходить\JNT

vɛ̃ɔ̃ ɡú
самолёт в

‘Она улетела на самолёте и прилетела на самолёте’.

Очевидно, прономинальный элемент *ʔ* не может рассматриваться здесь как субъектное местоимение (т.е. как подлежащее глагола *nū* ‘приходить’), поскольку, по правилу сочинительного сокращения, подлежащее при втором глаголе должно опускаться. Отметим при этом, что несомненную подлежащую ИГ можно вставить перед первой глагольной группой, но не перед второй ((6б) *dɛ̃bɛ̃nɛ̃ yɔ̃ kɛ dɔ̃ vɛ̃ɔ̃ ɡú, ʔ nū vɛ̃ɔ̃ ɡú* ‘женщина улетела на самолёте и прилетела на самолёте’, но не (6в) **dɛ̃bɛ̃nɛ̃ yɔ̃ kɛ dɔ̃ vɛ̃ɔ̃ ɡú, dɛ̃bɛ̃nɛ̃ ʔ nū vɛ̃ɔ̃ ɡú*) – иначе говоря, эта ИГ сочинительному сокращению подвергается, а интересующий нас прономинальный элемент – нет.

Аналогична картина и в ситуации, когда клаузы с кореферентными подлежащими находятся в подчинительной связи, маркируемой союзом *kɛ̃* – при глаголе второй клаузы прономинальный элемент *yɔ̃* обязателен, а ИГ подлежащего невозможна:

(7) *Gbàtò yɔ̃ nɔ̃nɔ̃ d̃i-d̃à kɛ̃ yɔ̃ klà̃ɔ̃ d̃íʔ.*
Гбато 3SG.EXI молоко голод-мерить SUB 3SG.EXI учёба перед
‘Гбато (впервые) попробовал молоко, когда он был в школе’.

Подведём итоги:

1) Словоформы, которые до сих пор рассматривались как «субъектные местоимения» (в том числе и в моих предшествующих публикациях), местоимениями не являются.

2) То, что до сих пор рассматривалось в дан-гуэта как единая парадигма личных местоимений, должно быть разделено на две парадигмы. В одной парадигме оказываются «собственно местоимения», в другой – элементы, рассматривавшиеся до сих пор как «субъектные местоимения» (об их природе речь пойдёт ниже).

3) Вопреки глубоко укоренившемуся мнению, в дан (и в других языках манде, где действует та же логика) оказываются возможны, более того – очень частотны, бесподлежащные предложения.

Обсудим эти следствия более детально.

1. Какова же настоящая природа элементов, которые до сих пор квалифицировались в дан-гуэта как «субъектные местоимения»?

Собственно говоря, ещё Уильям Уэльмерс писал, что аналогичные элементы в кпелле (где ситуация в интересующем нас отношении очень близка к дан-гуэта) «входят в глагольный комплекс», и что подлежащее в этом языке часто опускается [Gay, Welmers 1971] – к сожалению, более подробно эта тема в упоминаемой работе развита не была. Против общепринятого в африканистике причисления к местоимениям элементов, занимающих синтаксические позиции, отличающихся от позиций именных составляющих, предостерегал Дени Кресельс [Creissels 1991: 192-201] – этот автор предлагает называть их «местоименными индексами». Впрочем, Кресельс анализирует этот вопрос на материале языков, в которых обсуждаемые элементы непосредственно примыкают к глагольной основе,

и склоняется к причислению их скорее к аффиксам – при этом он не рассматривает данные языков манде, где дистантное положение таких элементов по отношению к глаголу исключает их аффиксальную трактовку⁶.

Исторически эти элементы в дан-гуэта восходят к сочетаниям полноценных местоимений-подлежащих с предикативными показателями (англ. *predicative markers*; в англоязычных работах по языкам манде их называют также *auxiliaries*). Исходя из происхождения интересующих нас элементов, можно предложить в качестве названия термин «местоименные предикативные показатели» (МПП) – несколько громоздкий, но достаточно прозрачный по форме⁷.

Второй вопрос, связанный с МПП – о том, каким образом эти словоформы группируются в лексемы. Речь идёт о том, следует ли считать, что лексема здесь изменяется (а) по лицам и числам, (б) по видам, наклонениям и полярности, (в) по всем этим параметрам? Иначе говоря, является ли интегрированный в МПП местоименный компонент корневым, а предикативный показатель – служебным аффиксом (морфемой-операцией), или наоборот?

Очевидно, от трактовки (в) приходится сразу отказаться, поскольку при такой интерпретации получается, что все словоформы МПП не имеют корневого морфема, а только аффиксальные, что противоречит общепринятому принципу морфологии «словоформа может состоять только из корня, но не может состоять только из аффиксов» [Плунгян 2000: 84; Мельчук 2001: 77].

При выборе между вариантами (а) и (б) следует, по-видимому, опереться на критерий формы этих словоформ. Как правило, формы одного лица и числа имеют одну и ту же сегментную основу (лишь в 1 ед. и 2 ед. представлено по две основы), при этом некоторые серии МПП (например, эвиденциальная и отрицательная имперфективная; экзистенциальная и оптативная) различаются только тонами. Если исходить из интерпретации (а), то получается, что корни здесь представлены тонами, а аффиксы – сегментными морфемами. В принципе, в языках мира нулевые корни встречаются (а значит, можно предположить и существование несегментных корневого морфема) – но скорее в виде единичных исключительных случаев, и подобный морфологический анализ принимается только на фоне множества «нормальных» форм, в которых корни представлены сегментными морфемами. Поэтому значительно более естественно, при прочих равных, остановиться на интерпретации (б), рассматривая наличие пар основ в 1 ед. и во 2 ед. как случаи супплетивизма. При этом можно считать, что формы МПП разных лиц/чисел также составляют парадигму, но эта парадигма не является словоизменительной – подобно тому, как не является словоизменительной парадигма личных местоимений. В этом принципиальное отличие МПП от вспомогательных глаголов в западноевропейских языках (в остальном достаточно близких к ним по своей синтаксической роли), в которых значения лица и числа оказываются словоизменительными⁸.

---

⁶ Уже после написания данной статьи я ознакомился с работой Дени Кресельса [Creissels 2005: 55], в которой предлагается аналогичная трактовка данных дан (на материале диалекта ка, по грамматике Жана Донё).

⁷ В ходе обсуждения этого термина на семинаре по языкам манде высказывалось мнение о том, что определение «местоименный» здесь отражает лишь этимологический аспект и для передачи природы этих показателей является излишним. Я вижу два аргумента в пользу уместности этого определения: (а) «предикативными показателями» в литературе по языкам манде (в частности, манден) принято называть служебные слова, выражающие аспектно-темпорально-модальные значения и полярность, но не лицо и число. Введение определения «местоименный», на мой взгляд, позволяет сделать акцент на это важное отличие предикативных показателей в дан-гуэта от таковых в бамана, манинка и т.д.; (б) ниже будут высказаны аргументы в пользу того, что аспектно-темпоральные и прочие значения выражаются в МПП флексией, а значения лица и числа – корнем. Если принять эту аргументацию, то следует согласиться и с тем, что семантика корневого морфема должна быть отражена в названии элемента.

⁸ Конечно, кому-то может показаться более привлекательной для представления этих форм словесно-парадигматическая модель – действительно, их фузионность и отсутствие чёткой

2. В дан-гуэта парадигма МПП имеет следующий вид (в каждом столбце этой таблицы представлены словоформы одной лексемы):

Таблица 2

Лицо	Единственное число				Дв.ч.	Множественное число				
	1	2	3	логоф.	1 инкл.	1 экс.	1 инкл.	2	3	логоф.
I экзистенциальные	<i>ā</i>	<i>ī/ū</i>	<i>Ø/ȳ/ȳ</i>	<i>ȳ</i>	<i>kō</i>	<i>yī</i>	<i>kwā</i>	<i>kā</i>	<i>wò</i>	<i>wō</i>
II сопряжённые	<i>á</i>	<i>í/ú</i>	<i>Ø/ý/ȳ</i>	<i>ȳ</i>	<i>kó</i>	<i>yí</i>	<i>kwá</i>	<i>ká</i>	<i>wó</i>	<i>á</i>
III перфектные	<i>má</i>	<i>bá</i>	<i>yà/yà</i>	<i>yá</i>	<i>kó</i>	<i>yá</i>	<i>kwá</i>	<i>ká</i>	<i>wà/wà</i>	<i>wá</i>
IV проспективные	<i>māā</i>	<i>bīī</i>	<i>ȳȳ</i>	–	<i>kōō</i>	<i>yīī</i>	<i>kwāā</i>	<i>kāā</i>	<i>wōō</i>	–
V императивные	–	<i>Ø/b̄ȳ</i>	–	–	<i>kò</i>	–	<i>kwà</i>	<i>kà</i>	–	–
VI оптативные	<i>á</i>	<i>í/ú</i>	<i>ȳ</i>	<i>ȳ</i>	<i>kó</i>	<i>yí</i>	<i>kwá</i>	<i>ká</i>	<i>wò</i>	<i>wó</i>
VII эвиденциальные	<i>māā</i>	<i>bāā</i>	<i>yāā</i>	–	<i>kōō</i>	<i>yāā</i>	<i>kwāā</i>	<i>kāā</i>	<i>wāā</i>	–
VIII отрицат. имперфективные	<i>máá</i>	<i>báá</i>	<i>yáá</i>	–	<i>kób</i>	<i>yáá</i>	<i>kwáá</i>	<i>káá</i>	<i>wáá</i>	–
IX отрицат. перфективные	<i>míí</i>	<i>bíí</i>	<i>yíí</i>	–	<i>kób</i>	<i>yíí</i>	<i>kwíí</i>	<i>kíí</i>	<i>wíí</i>	–
X прохибитивные	<i>má</i>	<i>bá</i>	<i>yá</i>	–	<i>kó</i>	<i>yá</i>	<i>kwá</i>	<i>ká</i>	<i>wá</i>	–

Сравнивая эту таблицу с Таблицей 1, следует отметить, что серии с XI по XVIII, представленные в Таблице 1, являются «настоящими» местоимениями – соответственно, они составляют отдельную парадигму.

3. Признание бывших «субъектных местоимений» в дан-гуэта местоименными предикативными показателями и следующий за этим вывод о том, что в этом языке преобладают предложения с нулевым подлежащим, существенно меняют наши представления о базовом синтаксисе дан (и других языков манде того же типа). Строго говоря, порядок слов в простом предложении этого языка оказывается не SOV, а скорее (S –) Aux – DO – V – IO.

* * *

Помимо дан-гуэта, наличие МПП как обязательного члена предложения отмечено в других идиомах дан, в гбан и в кпелле – при том, что в описаниях и этих языков МПП трактуются обычно как «субъектные местоимения». См. в либерийском кпелле:

(8) *ñ-pūri-ī*   *è*   *lèè*   *ñ-mà*
REF-голод-DEF 3SG.PST оставаться PST 3SG-на
'Он оставался голодным' [Leidenfrost, McKay 2007: 26]⁹.

Как мы видим, присутствие МПП необходимо, несмотря на наличие ИГ-подлежащего.

Отметим, что описываемая ситуация оказывается присущей далеко не только языкам манде. Так, в старых описаниях хауса¹⁰ словоформы, выражающие кумулятивно лицо, род и

выделимости сегментных морфем дают для этого основания. Впрочем, и в этом случае, очевидно, сохраняется необходимость ответа на вопрос: что считать словоформами, принадлежащими одной лексеме – столбцы или строки Таблицы 2?

⁹ Запись даётся в «морфологической» орфографии (отражающей глубинный уровень морфологического членения), в соответствии с принципами орфографии, предлагаемой М.Б. Коношенко для гвинейского кпелле [Коношенко 2009].

число подлежащего, а также аспект, наклонение и фокализацию, традиционно рассматривались как местоимения, однако уже в грамматике Ю.К. Щеглова, во многих отношениях обогнавшей своё время, эти лексемы из числа местоимений исключены [Щеглов 1970: 100-103] – хотя, отдавая дань традиции, этот автор и называет их «спрягаемыми местоимениями» или «предглагольными местоимениями». В этой грамматике приводятся аргументы в пользу того, что «спрягаемые местоимения» на самом деле должны рассматриваться как часть глагольной словоформы [Щеглов 1970: 40], при том что повсюду в примерах они даются в раздельном написании. В современных работах трактовка этих элементов как не-местоимений, по-видимому, преобладает. В частности, Филип Джаггар называет их «лично-аспектуальными комплексами» (person-aspect complex, PAC), при этом он отмечает, что выражение подлежащего именной группой оказывается необязательным, и причисляет хауса к числу «языков с нулевым подлежащим» [Jaggar 2001: 148]. Иначе говоря, трактовка Ф. Джаггара применительно к хауса абсолютно аналогична той, которая предлагается мною для дан-гуэта.

В теоретической работе [Nordlinger, Sadler 2004: 797], в числе прочих, рассматривается вопрос о различии «независимых местоимений, имеющих видо-временную-модальную флексию» (independent pronominals inflected for tense) – а именно такие формы находятся в центре внимания этих авторов – и «местоименных аффиксов, присоединяющихся к глаголу или к вспомогательному глаголу» (pronominal affixes attached to a verbal [auxiliary] constituent). Р. Нордлингер и Л. Садлер отмечают, что выявить это различие может быть очень непросто, при этом «кодирование актантных признаков на глагольной вершине и широко распространено, и хорошо понятно». В случае с дан-гуэта (а также, по-видимому, с кпелле и гбан) необычным является разве что предлагаемая мною «инвертированная» (по сравнению с привычной) трактовка корневых и аффиксальных элементов.

* * *

Впрочем, в некоторых южных языках манде можно обнаружить и стратегии кодировки типичных «глагольных» грамматических значений на ИГ подлежащего, которые составляют главный предмет анализа упомянутой выше статьи Р. Нордлингер и Л. Садлер. Эти стратегии являются результатом эволюции, во многом похожего на то, что, очевидно, происходило в дан-гуэта, но принципиально отличающиеся в ключевых моментах. Рассмотрим ситуацию в языке тура.

В глагольных предложениях тура аспекто-темпорально-модальные и некоторые другие фразовые значения, а также фразовая полярность выражаются различными местоименными формами, занимающими позицию перед прямым дополнением (если глагол переходный) или непосредственно перед глаголом (если он непереходный; примеры 9б, 9г, 9е); в некоторых видовых конструкциях глагол также присоединяет суффиксальные показатели или меняет тон основы. Однако, если подлежащее выражено существительным (примеры 9а, 9в, 9д) или более развёрнутой ИГ, то за ним следует неместоименный показатель (в отличие от дан), в большинстве случаев имеющий вид гласного с грамматическим тоном или морфемно-операции, реализующейся как удвоение конечного гласного¹¹ подлежащей ИГ, при этом копия конечного гласного получает некий грамматический тон:

(9а) *nǎ́/né*   *ké*   *ló-ó*
женщина/ребёнок   PM.I₂   уходить\PFV-PFV

¹⁰ Отметим, впрочем, одно важное различие между хауса и языками манде: в хауса МПП стоит непосредственно перед глаголом и почти никогда не отделяется от него другими словами; в манде же они располагаются дистантно (во всяком случае, в переходных конструкциях).

¹¹ *ŋ* является в тура «гласный нулевой ступени открытости» [Bearth 1971], и примеры 9а, 9в, 9д, где конечный *-ŋ* копируется точно так же, как и «обычный» гласный, являются ярким тому подтверждением.

‘Женщина ушла’/‘Ребёнок ушёл’.

(9б) *è ló-ó*

3SG.I₂ уходить-PFV

‘Он ушёл’.

(9в) *nǎ́ǎ́ = ǎ́/nǎ́ = ǎ́*

ló-ó...

женщина=PM.I₁/ребёнок=PM.I₁ уходить\PFV-PFV

‘Когда/поскольку женщина ушла...’ / ‘Когда/поскольку ребёнок ушёл...’

(9г) *é ló-ó*

3SG.I₁ уходить\PFV-PFV

‘Когда/поскольку он ушёл...’

(9д) *nǎ́ǎ́ = ǎ́/nǎ́ = ǎ́*

ló

женщина=PRF/ребёнок=PRF уходить

‘Женщина ушла’/‘Ребёнок ушёл’.

(9е) *à ló*

3SG.PRF уходить

‘Он ушёл’.

В Таблице 3 представлены субъектные местоимения тура, а также приименные показатели (появляющиеся при неместоименной подлежащей ИГ), по [Bearth 1971]:

Таблица 3. Субъектные местоименные показатели тура

	Приимен- ной показ. ¹²	Единственное число				Множественное число			
		1	2	3	логоф.	1	2	3	логоф.
I.1	˙	ǎ́	í	é	é	kó	ká	wó	wó
I.2	ké	ǎ́	í	è	é	kó	ká	wò	wó
I.3	˘	ǎ́	í	è	é	kó, dual. kò	ká	wò	wó
I.4	˘˘	ǎ́	í	è	é	kó	ká	wò	wó
Па перфект	˙˙	mǎ́	bá/yá	à/yà	yá/yé	kwéé	káá	wà	wá/wé
Пб просп.	–	máá	béè/yéè	yéè	yéè	kwéè	káá	wòò	wéé
Ша отр. имперфектив	-ǎ́	máá	báá/yáá/áá	yáá/áá	yáá	kwáá	káá	wáá	wáá
Пб отр. перфектив	-ó	móó	bóó/yóó/wóó/óó	yóó/ wòó/òó	yóó	kóó	káó	wòó	wóó
Пс про- хибитив	-ó	móó	bóó/yóó/wóó/óó	yóó/ wòó/òó	–	kóó	káó	wòó	–
IV им- ператив	–	–	bè/Ø	–	–	kwáá, dual. kwà	kà	–	–

Вышесказанное нуждается в некоторых существенных оговорках. Первая касается статуса приименных показателей. В пользу их интерпретации как аффиксов свидетельствует то, что по крайней мере некоторые из них (серии I.1, I.3, I.4, Па) реализуются, по сути, как морфемы-операции («копирование конечного гласного + тон»). Однако этому противоречит тот факт, что они оформляют не существительное, а всю именную группу; таким образом,

¹² В постпозиции к субъекту, выраженному не-местоимением.

они могут быть признаны, в лучшем случае, групповыми флексиями. В целом же парадигма приименных показателей оказывается очень гетерогенной: некоторые из них (серии IIIa, IIIб, IIIc) имеют сегментный характер, а показатель серии I.2 имеет даже структуру CV, что является сильным аргументом в пользу его трактовки как отдельной лексемы.

В качестве компромиссного решения, Д.И. Идиатов предлагает считать приименные показатели в тура клитиками (устное сообщение). Такая трактовка тоже нуждается в обосновании. В первую очередь, остаётся открытым вопрос о самой возможности выделения клитик в таких языках, как тура, где отсутствует ударение: по определению, клитика – это АКЦЕНТНО НЕСАМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЕДИНИЦА [Плунгян 2000: 28], и если строго следовать этому определению, то в языках, не имеющих ударения, клитик, очевидно, быть не может. Впрочем, при менее жёсткой трактовке речь может идти не об акцентной, а о ПРОСОДИЧЕСКОЙ несамостоятельности клитик – но и просодическая несамостоятельность интересующих нас элементов неочевидна: они несут свой собственный тон. На мой взгляд, «клитическую» трактовку можно принять (в сугубо предварительном порядке и с определённой долей условности) для вокалических приименных показателей (серии IIIa, IIIб, IIIc), но считать клитикой морфему-операцию «копирование конечной гласной + грамматический тон» мне кажется не вполне удачным решением.

Таким образом, получается, что в парадигме приименных показателей оказываются элементы с разным морфологическим статусом: групповые флексии, представленные морфемами-операциями (серии I.1, I.3, I.4, IIa); возможно, клитики (серии IIIa, IIIб, IIIc); служебная лексема *ké* (серия I.2). Отметим при этом, что сама по себе гетерогенность парадигмы предикативных элементов не является чем-то экстраординарным – достаточно вспомнить о том, что присутствие в одной парадигме аффиксальных показателей спряжения и служебных слов (вспомогательных глаголов) весьма типично и для индоевропейских языков.

Вторая важная оговорка касается конструкции проспектива-интенционалиса, где за ИГ подлежащего обязательно следует «местоимение» серии IIb – иначе говоря, здесь наблюдается картина, знакомая нам по дан-гуэта. Если это так, то серию IIb приходится признать принципиально отличной от остальных субъектных местоименных серий: показатели серии IIb оказываются не субъектными местоимениями, а МПП, что ещё больше увеличивает гетерогенность предикативной морфологии тура.

Итак, в тура мы имеем две различные стратегии аспекто-темпорально-модальных значений и полярности на ИГ подлежащего: фузионную – если ИГ выражена личным местоимением, и гетерогенную, но в целом более аналитическую – при непрономинальном характере ИГ подлежащего. Как бы то ни было, очевидно, что в этом языке, если отвлечься от серии проспектива-интенционалиса, можно говорить именно о субъектных местоимениях, а не о МПП.

* * *

Применение строгих морфосинтаксических критериев к элементам, которые было принято называть «субъектными местоимениями», в двух близкородственных языках, дан-гуэта и тура, показало, что их природа оказывается совершенно разной: в дан-гуэта это местоименные предикативные показатели, образующие особую часть речи; в тура эти элементы вполне могут считаться субъектными местоимениями, их словоизменительная парадигма близка к таковой у существительных (точнее, у именных групп, поскольку речь идёт скорее о групповой флексии). Не исключено, что рассмотрение материалов и других языков семьи с точки зрения этих критериев может принести неожиданности.

Сокращения

ИГ – именная группа

логоф. – логофорическое местоимение

МПП – местоименный предикативный показатель
отр. – отрицательный, отрицание
просп. – проспектив
ART – определённый артикль
AUT – «автономные» (фокализованные) местоимения
Aux – предикативный показатель
CNTR – контрастивная серия местоимений
DEF – определённый артикль в кпелле
DIM – диминутив
DO – прямое дополнение
DUR – дуратив
EMPH – эмфатически-определённая форма
EXCL – эксклюзивное местоимение (1+3 лица)
EXI – экзистенциальные местоименные предикативные показатели
INT – интенсив
IO – не прямое дополнение
IZF – показатель изафета (ультранизкий тон на главном слове)
JNT – сопряжённая серия местоименных предикативных показателей; сопряжённая форма глагола
NSBJ – несубъектная серия местоимений
NTR – нейтральный вид
O – дополнения
OPT – оптативные местоименные предикативные показатели
PFV – перфектив
PL – множественное число
PM – предикативный показатель
POSS – посессивная связка
PRF – перфект
PST – прошедшее время
RECP – взаимное местоимение
REF – референтный артикль в кпелле (
REFL – рефлексивное местоимение
REL – союз, вводящий релятивную клаузу
S – подлежащее
SG – единственное число
SUB – субэссивный падеж
V – глагол
I₁, I₂ – номера серий местоимений/предикативных показателей в тура

Литература

- Выдрин В.Ф. Личные местоимения в южных языках манде // Труды Института лингвистических исследований. Т. 2, Ч. 2. СПб: Наука, 2006. С. 327-413.
- Коношенко М.Б. Принципы новой орфографии гвинейского кпелле // Африканский Сборник – 2009. СПб: МАЭ РАН, 2009 (в печати).
- Кузнецова Н.В. Морфология личных местоимений в языке гуро // Африканский сборник – 2007. Под ред. В.Ф. Выдрина. СПб: Наука, 2008. С. 367-409.
- Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. IV. Москва–Вена: Языки славянской культуры– Wiener Slawistischer Almanach, 2001.
- Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. Москва: Эдиториал УРСС, 2000. 383 с.
- Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 798 с.

- Хачатурьян М.Л. Очерк грамматики гвинейского варианта языка мано. Дипломная работа. М.: МГУ, 2010.
- Щеглов Ю.К. Очерк грамматики языка хауса. М.: Наука, 1970, 288 с.
- Bearth, Thomas. L'énoncé toura. Norman (Oklahoma): S.I.L., 1971, 481 p.
- Creissels, Denis. Description des langues négro-africaines et théorie syntaxique. Grenoble : ELLUG, 1992, 467 p.
- Creissels, Denis. A typology of subject and object markers in African languages. *Studies in African linguistic typology*. Erhard Friedrich, Karl Voeltz (eds.). John Benjamins, 2005, pp. 43-70.
- Gay J. & Welmers W. *Mathematics and Logic in the Kpelle Language*. Ibadan: University of Ibadan, 1971, 152 p.
- Jaggar, Philip J. Hausa. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001, 754 p.
- Leidenfrost, Theodore E. & McKay, John S. Kpelle – English Dictionary with a Grammar Sketch and English-Kpelle Finder List. Moscow (USA), 2007, XXXII + 399 p.
- Nordlinger, Rachel and Louisa Sadler. Nominal Tense in Crosslinguistic Perspective. *Language*, 80:4, pp. 776-806.
- Vydrine, Valentin & Mongnan, Alphonse Kességbeu. *Dictionnaire Dan – Français (dan de l'Est) avec une esquisse de grammaire du dan de l'Est et un index français-dan*. St Pétersbourg : Nestor-Istoria, 2008. 368 p.